

Александр Ясинский

DELIRIUM ?

Александр Сергеевич Ясинский

Delirium?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23794368

Аннотация

Своеобразная «сказка странствий» через реальность и грезы, времена и миры. Или чистой воды делириум? Решать читателю.

DELIRIUM?

Дай руку мне друг, и я проведу тебя по тайникам людской души – этим выгребным ямам ухоженных чопорных фасадов. Давайте же вместе вытащим скрывающегося там зверя и рассмотрим его, голого и уродливого, как сама истина. Я покажу тебе всю мерзость и грязь потаенных желаний человеческой натуры, а всю чистоту и возвышенность пусть покажет тебе Писание.

Яркий свет софитов негасимой феерией вечного торжества отражается от сверкающего подиума, по которому легко, безупречно и непринужденно скользят модели. Идет показ нижнего белья и зал весь во внимании, ощерившийся десятками вспышек бесстыдных фотокамер, похабным блеском влажных глаз, стуком долларовых сердец. Капли пота, тяжелый воздух и музыка, музыка. Заученные движения, кивки, аплодисменты в нужных местах.

Блондинки, брюнетки, шатенки и рыжие, натуральные и крашенные друг в друга, нескончаемым круговоротом вышагивают по сцене, качая бедрами влево – вправо, влево – вправо. Я смотрю на их красивые, но пустые лица, с которых грим можно смывать ведрами, а вижу – скуку, усталость от бесконечных примерок, выступлений, борьбы за место, этой вечной гонки белки в колесе. Мой взгляд скользит по идеально плоским фигурам, поверхностно касается неестественно удлинённых, благодаря туфлям на «шпильке», ног. Да, смотреться привлекательно на ходулях – это почти, что

искусство, и очень немногие владеют им.

За спиной я ощущаю нарастающую суматоху, распространяющуюся подобно огню в прериях, когда охранники начинают протискиваться сквозь собравшихся, немилосердно работая локтями, невзирая на ранги и возмущенное шиканье. Они силятся успеть, и, кажется, мне пора. Мой выход. Я выхожу из-за кулис.

Я дарю ослепительную улыбку морю ошеломленных взглядов вокруг. В этом, без сомнения, есть что-то от позерства, но не суди меня строго зритель, ведь сегодня *мой* дебют.

И я улыбаюсь. Отчего не подарить улыбку стольким приятным людям, которые вот-вот умрут?

Согнутая в локте рука элегантно распрямляется, и когда висевший на ней пиджак падает на сцену, становится виден зажатый в ней пистолет-пулемет. Ах, какой драматизм!

А на шелковой коже манекенщиц расцветают рваные кровавые дыры. Да я эстет! Как тонко подобрать цветовую гамму – наверное, во мне умер великий художник, да не один. А пули все рвут воздушную ткань, проходя сквозь хрупкие анорексичные тела, оставляя поцелуи на животах, бедрах, грудях, которые более не подарят наслаждения ни одному мужчине или женщине, на месте пресыщенных глаз или высокомерного изгиба губ. Подиум – в пятнах крови и распростертых телах, зрители – нахохлившаяся масса, с которой разом сбили спесь, трусливо вопя, разбегается, толкая и давя друг

друга. И я подстегиваю, обрушивая на спины свинцовый бич. Забавно. Никогда не думал, что люди и кегли имеют так много общего. Вот я замечаю охреневшую физиономию репортера, самозабвенно продолжающего съемку в расчете на дорогую сенсацию. Какой накал страстей! Небольшим поворотом кисти я скашиваю и его. Похоже, сенсации не будет...

Я сижу на мокрых от крови ступенях (ощущение будто обмочился, но встать лень), оружие в моей руке продолжает щелкать вхолостую. Тишина. Вслушайтесь в это слово. Тишина, лишь жалкие постанывания раненных. Я устал, но это приятная усталость от хорошо выполненной работы. Какой? Я уже не помню... Апофеоз...

Вой полицейских сирен. Я медленно поднимаюсь. В зал влетает дымовая граната, задержав дыхание, я отфутболиваю ее прочь. Глаза слезятся. Они – в касках и респираторах, у них черные бронежилеты с белыми трафаретными буквами. Никак не удастся прочесть надпись. Хотя почему собственно меня должно это волновать?

Кажется, я шел, кашляя, через едкий дым, они целились в меня. Или уже стреляли? Короткоствольные автоматы протянули языки пламени, лаская разгоряченное тело. Они выпустили в меня чертову прорву пуль, и я потянулся навстречу, чтобы пропустить ни одну, обнять их, как лучших друзей, и, по крайней мере, двадцать восемь попали в цель.

Хотя достаточно было и одной, подумал я, ударяясь затылком о липкий пол.

* * *

А вот, что было до этого: под ногами – загаженный пол, а справа – полусожженные кнопки, через которые видны механические потроха, вокруг – исписанные стены кабины. Пока лифт, скрипя, поднимался, я привалился лбом к дверям, и неизбежные толчки эхом отзывались в гудящей голове. Думать не хотелось. Хотелось пить.

Наконец, лифт остановился и выпустил на площадку.

Деревянная дверь квартиры была приоткрыта, и из щели вытекала струя горячего воздуха вместе с мощным табачным духом, визгливыми аккордами техноблюза; невнятные голоса пытались перекричать друг друга.

На крохотной кухне – ржавая печь, да вечно текущий умывальник, – никого не было, только вхолостую работающий на стене телевизор и остатки пиршества на складном столе. Оглядевшись, таким образом, я попытался сосредоточиться и протиснуться внутрь. Так... вылив чей-то недопитый ликер в салатницу, я по-хозяйски щедро, проливая мимо дрожащей рукой, плеснул себе в стопку и, отставив пустой пузырь, сделал осторожный пробный глоток.

Не стошнило... сжавшись в тугую комок контуженный давеча желудок настороженно молчал, и я позволил себе допить и закусить долькой помидора. Усевшись на табурет, я вытянул ноги. Из-под стола тут же донесся радостный пере-

звон пустой тары.

Облегчение не заставило долго ждать, начала наводиться резкость во взгляде, но мозг еще спал.

Вот мой взор, поблуждав, обратился к телевизору, где какая-то очередная серость воображала себя певицей, время от времени задирая юбку, чтобы привлечь внимание засыпающего зала. Но сладкая истома растекалась по немытому телу, и вставать переключать было лень. Наконец, заткнувшись, она убралась прочь под шквал искренних аплодисментов, чтобы освободить место паре телеведущих. Перебрасываясь ничего не значащими репликами и отпуская плоские шуточки, те, с горем пополам, все-таки объявили следующего исполнителя.

Я смог встать и выйти в боковой коридор. Мимо, держась за стену, из гостиной в уборную прополз незнакомый тип. Судя по выражению того, что у него сейчас являлось лицом, спрашивать, о чем-либо его все равно было без толку.

Я заглянул в гостиную, где на диване развалилось еще две нетранспортабельные личности; переполненная пепельница, жалкие потуги убитого магнитофона.

Я поприветствовал их.

Тот, что смахивал на обезьяну, то ли икнул, то ли кивнул, а плюгавый, с ранними залысинами сурово спросил, уставившись мутными глазами:

– Ты кто, да?

Я объяснил, как мог. Мог я неважно.

– Сыщъ она занята, да? А что, какие-то проблемы, да?
Я просто прикрыл дверь.

Обратный путь: коридор, запертая уборная, где характерные звуки выдавали последствия безудержного веселия, позади слышался грохот, ругань, переходящая затем в признание в вечном братстве, обратно кухня с капающей водой и гнусавой эстрадой, и остановился у последней, по иронии судьбы так же полуоткрытой двери. Спальня.

Взору открылись расставленные голые ноги, и волосатый трудолюбивый зад, усердно двигавшийся между ними. И тут до меня дошло, что, несмотря на вчерашнюю генеральную репетицию, премьера все-таки состоялась без меня.

– О! Серж, еще, о!

Я, девственник, почувствовал себя так, будто все обиженные в истории Земли мужской половиной женщины в этот момент отыгрались на мне от всей души. Жалкие подарки, любовь... свидания...уговоры...трепетное – «не-не, я еще не готова» и «давай, пока останемся друзьями».

В полное прострации я бесшумно вернулся на «полюбившуюся» кухню, медленно и аккуратно слил все, что оставалось недопитым в граненый стакан, и, давась от отвращения, запил водопроводной водой. На экране культуристы, одетые лишь в подобия футляров для пенисов, активно напрягались, демонстрируя возможности рекламируемого протеинового набора. Отсутствие волосяного покрова и признаков интеллекта делало их похожими на гипертрофированных иг-

рушечных пупсиков.

* * *

Я был начинающим солистом в жутко модном гетеросексуальном шоу «Попки в ряд», где я и еще четверо-пятеро таких же бесконечно менявшихся участников за гроши изматывались как проклятые, в силу своей глупости, а после каждого такого выступления отлеживались где-нибудь, расслабленные алкоголем или наркотиками, оглушенные чужой музыкой, с охрипшими, надорванными глотками и разбитыми мозгами. Хорошо еще, что, не смотря на название, с задней точкой все было в порядке. По-крайней мере у меня. А то, эти продюсеры, такие требовательные сволочи. Но ничего не сделаешь ради искусства. Искусства и «бабок».

А еще всегда рядом был Парис.

В его обязанности входило, чтобы кто-либо из состава не сдох вот так неожиданно вдруг, в конец ни опаскудился, и не «слетел с катушек» от передозировки в самый неподходящий момент, когда это не будет элементом шоу или сенсацией.

Добрый старый Парис. Случалось, что и меня, за всю непродолжительную карьеру, он приводил в удобоваримый вид – как-то брил, где требовалось, причесывал тоже, если нужно подстригал или купал, (а какой бесподобный грим умел накладывать только он!), а если совсем горело – то и

делал необходимую инъекцию, способную продержать в состоянии, близком к человеческому, все необходимое время. Такая душка! Наконец, он следил за тем, как лакированные стилисты подбирают нам гардероб, и когда лимузин, или что попроще, в зависимости от сиюминутного имиджа, отвозил нас на мероприятие, он всегда сидел на переднем сиденье, по дороге зачитывая расписание текущего дня, расписание, который постоянно ускользал от моего восприятия, дня, которого я потом практически не помнил.

Кажется, дай ему волю – и он был не против и вполне определенным образом поухаживать за смазливymi мальчиками из ансамбля. Не знаю. Не дошло как-то до такого, никогда не давал повода, а он по натуре был раним и не настойчив.

Мы никогда не считали, не называли его продюсером, работодателем. Да и он бы не позволил величать его так. Он просто хотел быть нашим «сладким папочкой». Заботливым родителем в мире взрослых игрушек. Он был всем и вся. Организовывал встречи с поклонниками, с этой невнятной визжащей и пускающей слюни толпой малолеток, устраивал туры и рекламу на телевиденье, подписывал контракты с макаронами и еще кучей ведущих лейблов. И еще делал целую кучу дел, дел, до которых счетом мне не было никакого дела. Такой вот каламбур. И, по крайней мере, однажды он попытался выступить, как сутенер. Возможно, он так же станет и моим могильщиком, таким заботливым и добропоряд-

дочным, знаете ли. Ну, да и черт с ним! Небось, уже заказал втихомолку мемуары от моего, или десятка других парней, что были до меня, или будут после, имени, да прикидывает новый состав группы. Что ж, за все надо платить, а я попытался пожить красиво и хорошо, а главное — знаменито.

Тогда мы выступали в клубе «Силикон Дримз», где стриптизерши, оправдывая название, всю крутили грудями, разогревая собравшуюся публику. А затем появились мы, и ударили по инструментам и нервам, затмив в тот вечер даже извечных конкурентов из пресловутой «Фак-эн-Щит».

Вдруг на сцену выпрыгнула какая-то полоумная фанатка, и принялась извиваться в танце. Это ей так казалось, что в танце. Но Парис подмигнул нашим «быкам» и те не стали стаскивать ее обратно в смердящий зал. Чего такого хотел он добиться?

С ее, этой экзальтированной девчужке, внешними данными, ей была бы обеспечена карьера лишь в третьесортном борделе у негров, но та, по-видимому, грезилась о большой сцене и небе в алмазах. Отчего-то я отвлекся на нее, и тогда-то в голове нашего Париса зародился гениальный план, который со временем и привел меня в эту злополучную квартиру.

Я влюбился. Как дурак. Не помню, как мы познакомились и зачем... Кажется и здесь не обошлось без нашего общего друга. Помню лишь, что всегда хотел ее. Нет, не с первой той глупой встречи, а потом, когда в то жаркое лето, уже отыг-

рав, я увидел ее в легкомысленном цветастом сарафанчике (в который когда она успела переодеться?), под которым, кажется, кроме трусиков ничего не было, пятна пота под мышками и вырисовывают крохотные соски, и этот головокружительный запах корицы и мускуса, перебивающего все, даже пот и сигареты.

Мы встречались, насколько позволял мой график, и ее «больная бабушка», раз за разом: неуклюжие прогулки, кафешки-забегаловки-полубары, сидения на лавочках, деление одной жвачки изо рта в рот, и прочие детские шалости. Она оказалась доброй и пушистой, но при этом ругающейся матом и немилосердно курящей всякую дрянь, что оставляет у тебя во рту привкус аромата хорошего мусорного ведра у пивной. Она позволяла всякое. Разное. Еще больше она не позволяла, доводя меня до иступления. Почему тогда я хотел ее? Но отчего такой лицемерный отказ – «дескать, я вся порочная, и не достойна тебя, мой мальчик», не заставил меня одуматься? Что было в ней, что дало мне иллюзорное представление, будто это я, недостойн сие павшее, но, тем не менее, стократ возвышеннее, духовно существо? С ее помощью мои глаза открылись на многое.

Теперь, это многое я созерцаю, как смолу, капающую с моего ногтя, но тогда... Я отказался от одурманивающего, забыл о похоти, хотя сие мне далось весьма нелегко, я жил предвкушением прекрасного. Хотел купить себе крылышки, но обнаружил аллергию на перья. Мы общались. Редко. По-

том день за днем. И это простое общение, эта духовная близость, была лучше обладания. Это я так думал. Тогда.

Постепенно отношения наладились, мы запросто встречались в городе и у нее дома. Парис как-то сразу начал давать выходные, и больше время проводил у компьютерщиков в синтезаторской. Может, мы давно уже не пели вживую, кто знает, поди, заметь-то в угаре. Что до дома, там неизменно меня встречала случайно зашедшая подруга, так что интима не наблюдалась, а бабушка, бабушка лежала покорно в закрытой комнате и всегда молчала. Была ли бабушка?

Я не имел денег свозить ее куда-либо по-настоящему, да не имел их; вот после контракта потом, да. Парис заботился, чтобы нас не облапошили какие-нибудь мошенники. Если развлечения— то за его счет, и только *его* развлечения.

В общем, несколько месяцев отношения у нас длились по принципу — «я могу обнять твое тело и сказать два-три слова». Но всему есть предел. Платонические отношения, конечно, здорово. Поверхностные ласки, без их логического завершения нелепы, как секс по телефону, мучительны, как отсутствие штопора в ресторане, да и могут удовлетворить лишь физически либо психически незрелых людей. Итак, всему приходит конец.

Возможно, она с самого начала всего лишь тонко и продумано издевалась надо мной, возможно, просто перетянула время, завлекая и не зная, что делать дальше. Как бы то ни было, ответ мне предстояло найти здесь и сейчас.

* * *

Не знаю, когда именно я захмелел. Хотелось есть, но было лень, и, скорее всего, бесполезно искать съестное.

– Новая вера в Человека! – донесся сквозь пьяную дымку голос проповедника – видимо, я переключил канал. – Как обладателя разума, живущего постижением истины, стремящегося осмыслить себя в мире этом.

Я запустил стаканом в стену.

Немедленно притащился кто-то, кому я доходчиво предложил вернуться обратно, что тот благоразумно и сделал.

– Теперь не подлежит сомнению факт, что верующий в жизнь после смерти, формирует своей направленной ментальной энергией некие информационные структуры, продолжающие существовать и после органического распада тела – носителя.

Капитальный груз, и как далек он от меня.

– Ой, привет! А я не знала, что ты здесь! Давно пришел?

В этом вся она. Идиотская непосредственность. Ах, простите, кажется, я блеванула на вашу могилку!

– Ага, пришел.

Возникла неловкая пауза.

– Ты и представить не можешь, из какой позы я сейчас с тобой разговариваю.

– Чего?!

– Не обращай внимания, это я так... вспомнилось давеча увиденное... рассказывай.

Она замялась. К ее чести длилось это лишь пару секунд.

– Ну, ты понимаешь, я встретила одного человека, который нравился мне раньше. Я не видела его почти год... Недавно он вернулся из армии. Иду я, значит, себе по улице, вдруг – бац! – останавливается машина, и он меня окликает. Я поняла, что не могу без него. Вот такие дела. Но мы с тобой, конечно, останемся друзьями, к тому же если ты питал какие-то чувства ко мне.

Эта старая как мир, изношенная и вульгарная фраза доконала меня окончательно.

– Знаешь, очень и очень мало из тех, кто меня окружает, я могу *действительно* назвать своими друзьями. Ты же предлагаешь мне смотреть, как другой обнимает тебя, ласкает, и это после тех пресловутых чувств?! Неужели ты думаешь, что мне абсолютно все равно?! Неужели ты обо мне такого низкого мнения?

– А ты тут не ори на меня! Что тешил себя иллюзиями, что я испытывала удовольствие, находясь в компании с таким отморозком, как ты? Да ты – ужасен! Да, я нуждаюсь в средствах, но не до такой же степени, чтобы, как проститутка ложиться под первого встречного! Это – не любовь!

– Ты еще скажи, что я тебя не за ту принимаю.

– А судя по всему – так оно и есть! Ты вообще должен быть благодарен, что я вытащила тебя из дерьма, где ты до

этого кувырkalся!

Дальше я не слышал, ибо просто ушел.

Все тот же лифт, только, кажется, на этот раз меня в нем тошнило. Что ж видимо закон жизни для некоторых людей таков, что за час счастья приходится расплачиваться целыми днями грусти.

По дороге в никуда я забрел в супермаркет. Как и во всяких общественных местах, при входе тут стояли сакральные фигуры из папье-маше, призванные оттягивать и поглощать негативную энергию; насколько себя помню – мне они не помогли, так что поклоны с правильным дыханием я совершать не стал, еще больше усугубляя карму.

Вот я внутри. Здесь шумно илюдно, непрерывно транслируемая реклама навязчиво призывает приобрести прокладки (еще больше крылышек, и все по той же цене), памперсы (сухая попка – залог удачной карьеры), и «Избиение младенцев» – новейшую интерактивную ролевою игру в популярном стиле «садо-мазо». Крикливое изобилие: жвачки (ужуйся), шампуни (умойся), концентраты и суррогаты на любой вкус, даже можно приобрести святую воду в экономичной пластиковой таре и всего-то за полцены в связи с сезонной распродажей. Приложение «квикпрей» – молитесь прямо не выходя из дому по клику или с мобильного без комиссии! – разве тут устоишь.

Я купил пару горячих «иван-бургеров», «настоящих русских сухариков со вкусом пельменей», как значилось на упа-

ковке, и кое-чего еще в бумажный пакет.

Неподалеку располагался сквер, зажатый многоэтажками, в котором так удобно и быстро можно было расположиться и подумать о жизни.

Я сел на лавку, пригубил дрянь из пакета и откинулся на спинку, типа любуясь зелеными насаждениями из прошлогоднего подгнившего пластика.

С соседней лавки донеслись девичьи голоса.

– О, девушки! А не прошвырнуться ли нам до ближайшего паба? – без лишних церемоний предложил я. Интересно, только на какие шиши?

– Мы пива не пьем, – скокетничала самая смелая и раскрашенная.

– А вино?

– Вино тоже.

Вот же не задача. А то шмурдяк у меня уже имелся в пакете.

– Ну, тогда это, может, что покрепче?

– Тем более!

– Ну, что ж, придется тогда вас трезвыми трахать! – подытожил я.

– Сейчас я тебя самого трахну! – неожиданно вмешался грубый мужской голос, повернувшись, я увидел патруль, подружек, как ветром сдуло.

Начался неизбежный в таких случаях и унижительный обыск. Благо еще, что в попу с лупой не заглядывали, как

в районном военкомате, где старые извращенцы вовсю изгалялись над молодыми мальчонками призывного возраста.

Из вывернутых карманов поочередно возникли: ключи (опачки, колющее!), несколько мятых купюр, так называемых «долларорублей», какая-то мелочь, пластиковая карта-паспорт, дающая право свободного передвижения по пятьдесят третьему штату особой юрисдикции Россия и, наконец, зеленая СПИД-карта, иначе мои неприятности имели бы более затяжной характер.

– Ну что, будем конфисковать или забирать? – лениво поинтересовался дылда в небрежно сдвинутой на затылок форменной фуражке – недавний выпускник полицейской академии.

– По какому поводу?! – в очередной раз подвел болтливый язык меня.

– За нарушающее общественный порядок поведение в нетрезвом виде, – снисходительно пояснил другой представитель закона, когда я разогнулся, держась за живот. – И сопротивление при задержании, – ласково добавил другой.

– Тогда... это самое... конфискуйте все к чертям...

Меня от души двинули коленом в пах.

– Что, хочется поговорить? – участливо спросили стражи правопорядка. – Думаешь, нам твое позволения нужно, а? Кем ты себя возомнил, шушара уличная? Здесь – мы закон.

Это я всегда знал, да вот подзабыл в последнее время, везло не нарываться на бдительных стражей, что променяли ар-

мейские сапоги на лакированные ботинки полицейской академии.

– У тебя есть две возможности, подонок, – лениво процедил дылда. – Первая: мы тебя бьем и отпускаем. Вторая – забираем. А можем и здесь в чувство привести и в участке добавить, а если захотим, то еще и по статье засадить. Потому, как *мы* – закон и порядок. Уяснил?

Я все уяснил, поэтому молчал и кивал.

– Ладно, так и быть, бегом отсюда, чтобы через десять секунд тебя не видели, и попробуй еще раз попасться.

Сволочи! Архангел, вложи карающий меч мне в десницу.

Эта странная мысль горела в мозгу все время, пока я «зайцем» трясся в тамбуре пригородной электрички. Я пытался о чем-нибудь другом, но не мог. Искал позитива, и не находил его. Что касается медитации, то та вообще не шла без наркотиков. Было гнусно и отвратительно. Надписи на проносящихся за окном гаражах. Дырка в панели, забитая мусором и окурками. Пьяное рыгание и пердение соседей. Сбивающий с ног запах пота и жара. Мерзость – вот, что меня окружало. Огонь. Очистительный огонь – вот, что поможет мне избавиться от всего этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.